

СТИВЕН КИНГ

ЛОРИ

Стивен Кинг

Лори

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40431406

Лори: АСТ; Москва; 2019

Аннотация

«Сестра Ллойда Сандерленда, полгода назад потерявшего жену, с которой он прожил без малого сорок лет, приехала к брату из Бока-Ратона в Кайман-Ки и привезла ему темно-серого щенка. Сказала, что это метис. Помесь бордер-колли и муди. Ллойд не знал, что это за порода муди, да и не хотел знать...»

Содержание

1	4
2	13
3	17
4	21
5	25
6	29
7	32
8	34
9	44
10	46

Стивен Кинг

Лори

1

Сестра Ллойда Сандерленда, полгода назад потерявшего жену, с которой он прожил без малого сорок лет, приехала к брату из Бока-Ратона в Кайман-Ки и привезла ему темно-серого щенка. Сказала, что это метис. Помесь бордер-колли и муди. Ллойд не знал, что это за порода муди, да и не хотел знать.

– Мне не нужна собака, Бет. Вот чего мне не хватало, так это собаки. Я и о себе-то не могу позаботиться.

– Оно и видно, – ответила Бет, отстегивая тонкий, словно игрушечный, поводок. – На сколько ты похудел?

– Я не знаю.

Она оценивающе прищурилась.

– Я бы сказала, фунтов этак на пятнадцать. Пока не критично, но если ты потеряешь еще пару фунтов, это будет серьезным поводом для беспокойства. Я тебе сделаю яичницу с сосисками. И обязательно с тостами. Яйца у тебя есть?

– Я не хочу яичницу с сосисками, – сказал Ллойд, глядя на щенка, усевшегося посреди гостиной на белом ковре. Наверняка ведь оставит визитную карточку, подумал Ллойд.

Да, ковер явно не мешало бы хорошо почистить, может быть, даже с шампунем, но на него раньше никто не писал. Щенок разглядывал Ллойда большими янтарными глазами. Как будто его изучал.

– Яйца у тебя есть?

– Да, но...

– А сосиски? Конечно, нет. Ты, наверное, живешь на одних замороженных вафлях и консервированных супах. Ладно, съезжу в «Пабликс» и куплю. Но сперва посмотрю, что у тебя в холодильнике, может, еще что надо купить.

Сестра была старше Ллойда на пять лет и практически вырастила его, когда умерла мама. Ллойд с самого детства не привык спорить с Бет, потому что ее все равно не переспоришь. Теперь они оба старые, и он до сих пор не может сказать ей ни слова против. Особенно после того, как не стало Мэриан. Ллойд казалось, что у него внутри образовалась дыра, которая засосала всю его силу воли. Может быть, она еще вернется. Может быть, и нет. Ему шестьдесят пять. Поздновато для больших перемен. Но против собаки он будет стоять до конца. О чем только думала Бетти, когда притащила ему щенка?!

– Мне он не нужен, – сказал Ллойд, когда Бет уже повернулась к нему и направилась в кухню. – Ты его купила, ты можешь вернуть его в магазин. Или где ты его взяла?

– Это не он, а она. И я ее не покупала. Ее мама, чистокровная бордер-колли, подгуляла с соседским муди. Хозяин

бордер-колли раздал остальных трех щенков, а эта малышка была самой мелкой в помете, и ее никто не взял. Хозяин – он фермер – уже собирался везти ее в приют, но я случайно проходила мимо и увидела объявление на телефонной будке. Там было написано: КТО ХОЧЕТ СОБАКУ?

– И ты сразу подумала обо мне, – продолжил Ллойд, по-прежнему глядя на серую собачку, которая продолжала смотреть на него, настороженно наострив уши, слишком большие для такой малявки.

– Да.

– Бет, я *тоскую* по жене.

Она была единственным человеком на свете, кому он мог сказать об этом прямо и без обиняков. Хорошо, когда есть такой человек.

– Я знаю. – Она открыла холодильник и принялась перебирать его содержимое. Ллойд видел ее тень на стене, худую и немного нескладную. Она похожа на аиста, подумал он. И, возможно, она будет жить вечно. – Человеку, переживающему горе, нужно на что-то отвлечься. Чем-то занять свои мысли. Ему нужен кто-то, о ком можно заботиться. Вот о чем я подумала, когда увидела объявление. Дело не в том, *хочешь* ли ты собаку. Дело в том, что собака тебе *нужна*. Господи, Ллойд, ты давно открывал холодильник? Или ты специально разводишь там плесень? Тебе самому не противно?

Собачка поднялась на лапы, робко шагнула к Ллойд, но потом передумала (если ей было чем думать) и снова уселась.

– Возьми ее себе.

– Я не могу. У Джима аллергия.

– Бетти, у вас два кота. У Джима нет аллергии на кошек?

– Да. И двух котов нам достаточно. Если ты так настроен, я отвезу ее в приют для бездомных животных в Помпано-Бич. Им дают три недели, а потом усыпляют, если их не удастся пристроить. Но такая красивая девочка с дымчатой шерсткой наверняка найдет себе новых хозяев, и ее заберут до того, как ее время выйдет.

Ллойд закатил глаза, хотя сестра стояла к нему спиной. Точно так же он делал еще восьмилетним мальчишкой, когда Бет грозилась отшлепать его по попе бадминтонной ракеткой, если он не приберется у себя в комнате. Кое-что в этой жизни не меняется никогда.

– Спасайся кто может, – сказал он, – Бет Янг сейчас будет давить на чувство вины.

Она захлопнула холодильник и вернулась в гостиную. Собачка мельком взглянула на нее и продолжила изучать Ллойда.

– Я еду в «Пабликс» и собираюсь потратить не меньше ста долларов. Чек я привезу, и ты возместишь мне расходы.

– А что делать мне?

– Познакомься пока с беззащитным живым существом, которого ты собираешься отправить в газовую камеру. – Она наклонилась и погладила собачку по голове. – Посмотри на эти сияющие глаза, полные надежды.

В янтарных глазах щенка Ллойд видел лишь настороженность. Казалось, щенок оценивал ситуацию.

– А если она напишет на ковер? Мэриан купила его незадолго до того, как слегла.

Бет показала на поводок, лежавший на пуфике рядом с креслом.

– Своди ее погулять. Покажи ей заросшие клумбы Мэриан. И кстати, если она напишет на ковер, хуже ему не будет. Он и так грязный.

Она взяла сумку и направилась к двери уверенной, гордой походкой.

– Домашних животных нельзя дарить людям без их согласия, – заметил Ллойд. – Я прочитал в Интернете.

– И ты веришь всему, что написано в Интернете?

Она обернулась к нему. Резкий сентябрьский свет западного побережья Флориды упал на ее лицо, и стало видно, что мелкие морщинки вокруг рта забились растекшейся губной помадой, нижние веки припухли и отяжелели, а на виске пульсировала хрупкая синяя жилка. Скоро ей исполнится семьдесят. Его энергичная, своевольная, упрямая, бескомпромиссная сестра уже старая. И сам Ллойд тоже старый. Они – два живых подтверждения, что жизнь – краткий сон в летний день. Только у Бетти есть муж, двое взрослых детей и четверо внуков – естественное продолжение их жизни. У Ллойда была Мэриан, но теперь Мэриан не стало, а детей у них не было. И что же, теперь он заменит жену собакой дво-

ровой породы? Мысль была совершенно дурацкой и сентиментальной, как холлмарковская открытка, и такой же далекой от реальной действительности.

– Все равно я ее не оставлю.

Бет посмотрела на него точно так же, как смотрела девочкой тринадцати лет, когда грозилась отлупить его бадминтонной ракеткой, если он не уберется в комнате.

– Оставишь хотя бы до тех пор, пока я не вернусь из «Пабликса». Мне нужно еще кое-куда заехать, а если закрыть собаку в душной нагретой машине, она умрет. К тому же она совсем маленькая.

Бет ушла, хлопнув дверью. Ллойд Сандерленд, пенсионер, овдовевший полгода назад и потерявший всяческий интерес к еде (и ко всем остальным радостям жизни), сидел и смотрел на незваную гостью, расположившуюся на ковре. Собачка тарасилась на него.

– Что ты смотришь, дурашка? – спросил он.

Собачка поднялась и подошла к нему. Она шла вперевалку. Ковыляла, как утка в высокой траве. Потом уселась у его левой ноги и уставилась на него снизу вверх. Ллойд осторожно протянул к ней руку, опасаясь, что она может его укусить. Собачка облизала ему пальцы. Ллойд взял поводок и пристегнул его к тонкому розовому ошейнику.

– Пойдем гулять. Пока ты не испортила мне ковер.

Он легонько дернул за поводок. Собачка не сдвинулась с места. Ллойд вздохнул и подхватил ее на руки. Она опять

облизала ему пальцы. Он вынес ее в сад и опустил на землю. Лужайку давно надо было подстричь. Собачка почти утонула в высокой траве. И Бет была права насчет клумб. Они заросли сорняками, половина цветов безнадежно засохла. Они такие же мертвые, как Мэриан, подумал Ллойд и улыбнулся. И тут же почувствовал себя виноватым и за улыбку, и за сравнение.

В высокой траве ковыляющая походка собачки была еще более заметной. Она прошла около дюжины шагов, присела и пописала.

– Неплохо. Но все равно я тебя не оставлю.

Хотя он уже подозревал, что собачка останется у него. Бет уедет домой, а незваная гостья задержится здесь, в его доме в полумиле от разводного моста, соединявшего Кайман-Ки с материком. Конечно, из этой затеи ничего не выйдет, у него никогда в жизни не было собаки, но пока он не найдет для нее новых хозяев, ему будет чем себя занять, кроме как смотреть телевизор или сидеть за компьютером, тупо играя в пасьянс или бродя по сайтам, которые раньше, когда он только вышел на пенсию, казались ему интересными, а теперь наводили смертельную скуку.

Бет вернулась часа через два. К тому времени Ллойд уже снова сидел в своем кресле в гостиной, а собачка спала на ковре. Сестра, которую Ллойд любил, но которая жутко его раздражала всю жизнь, сегодня опять умудрилась его разозлить, притащив гору ненужных с его точки зрения покупок.

Огромный пакет корма для щенков (разумеется, экологически чистого), большую упаковку натурального йогурта (чтобы смешивать с сухим кормом для укрепления ушных хрящей), одноразовые впитывающие пеленки, корзинку с подстилкой, три жевательные игрушки (две из которых противно пищали) и деревянный детский манеж в разобранном виде. Чтобы собачка не бродила по дому по ночам, пояснила Бет.

– Господи, Бетти, сколько все это стоит?

– В «Таргете» была распродажа, – сказала она, ловко увиливая от ответа. Она это умела, Ллойд знал. – Ты ничего мне не должен. Это подарок. И теперь, когда я столько всего накупила, ты по-прежнему хочешь, чтобы я ее забрала? Если да, тогда сам возвращай все в магазин.

Ллойд привык, что сестра всегда побеждает в спорах.

– Ладно, пока попробую ее оставить. Но мне *не нравится*, когда мне навязывают обязательства. Ты всегда была бесцеремонной.

– Да, – ответила она. – А что еще было делать, когда мама умерла, а отец пил, почти не просыхая? Ну, что? Будешь яичницу?

– Буду.

– Она уже написала на твой ковер?

– Еще нет.

– Значит, напишет. – Судя по голосу, эта идея пришлась Бет по нраву. – Впрочем, невелика потеря. Как ты ее назо-

вешь?

Если я дам ей имя, она уже точно будет моей, подумал Ллойд. Хотя, наверное, она и так уже стала его собакой. С той самой минуты, когда в первый раз осторожно лизнула ему руку. Так же как Мэриан стала его женщиной после их первого поцелуя. Еще одно глупое и неуместное сравнение, но может ли человек контролировать свои мысли? Не больше, чем он контролирует сны.

– Лори, – сказал он.

– Почему Лори?

– Не знаю. Просто вдруг пришло в голову.

– Ладно, – согласилась она, – вполне себе имя.

Лори пошла в кухню следом за ними. Переваливаясь, как утка.

2

Ллойд застелил белый ковер одноразовыми пеленками и поставил манеж в спальне (прищемив себе пальцы в процессе сборки), потом уселся за стол у себя в кабинете, включил компьютер, нашел в Интернете большую статью под названием «У вас новый щенок!» и принялся ее изучать. Где-то на середине статьи он почувствовал на себе чей-то пристальный взгляд. Лори тихонько сидела рядом с его ногой и смотрела на него, задрав мордочку кверху. Он решил ее покормить и обнаружил лужицу мочи в проходе под аркой между гостиной и кухней, дюймах в шести от ближайшей пеленки. Он подхватил Лори на руки, посадил рядом с лужей и строго сказал:

– Не здесь. – Потом перенес ее на нетронутую пеленку. – Вот здесь.

Она посмотрела на него, затем проковыляла в кухню, улеглась рядом с плитой, положив мордочку на передние лапы, и снова уставилась на Ллойда своими большими янтарными глазами. Ллойд отмотал от рулона сразу несколько бумажных полотенец. Он уже понял, что в ближайшую пару недель таких полотенец ему понадобится немало.

Вытерев лужу (совсем-совсем маленькую), он высыпал в миску четверть чашки сухого собачьего корма – рекомендуемая дозировка, согласно статье «У вас новый щенок!», – и

смешал его с йогуртом. Лори вполне охотно принялась за еду. Ллойд наблюдал, как она ест, и тут затрезвонил телефон. Бет звонила из зоны отдыха, расположенной где-то вдоль Аллеи аллигаторов.

– Обязательно покажи ее ветеринару. Я забыла тебе сказать.

– Я знаю, Бетти.

Об этом тоже писали в статье «У вас новый щенок!».

Она продолжала, словно он вообще ничего не сказал. Ллойд хорошо знал и эту привычку сестры. Она никогда не слушала, что ей говорят.

– Как я понимаю, ей будут нужны витамины. И что-нибудь от глистов. И, наверное, от блох и клещей... Кажется, есть такие таблетки, их подмешивают в еду. И ее надо будет кастрировать. В смысле, стерилизовать. Но это точно не в ближайшую пару месяцев.

– Да, – сказал он. – Если я оставлю ее у себя.

Лори закончила есть и пошла в гостиную. Теперь, с туго набитым животиком, она ковыляла еще сильнее. Словно чуть пьяная, подумал Ллойд.

– Не забывай с ней гулять.

– Не забуду. – Каждые четыре часа, согласно статье «У вас новый щенок!». Это, конечно, смешно. Он не собирался подскакивать в два часа ночи, чтобы сводить на прогулку свою незваную гостью.

Его сестра всегда умела читать мысли. Вот и теперь она

сказала:

– Ты, наверное, думаешь, что тебя напрягает просыпаться посреди ночи.

– Такая мысль приходила мне в голову.

Бетти снова его не услышала. Как всегда.

– Ты же сам говорил, что у тебя затяжная бессонница после смерти Мэриан. Если ты не соврал, то никаких трудностей здесь быть не должно.

– Бетти, ты очень чуткая и любящая сестра.

– Посмотрим, как все пойдет. Вот я о чем. Дай девочке шанс. – Она секунду помедлила. – Дай *себе* шанс, раз уж на то пошло. Я за тебя беспокоюсь, Ллойд. Я почти сорок лет проработала в страховой компании и знаю, что мужчины твоего возраста, к тому же еще и вдовцы, больше подвержены различным заболеваниям. Да и смертность среди них выше.

На это он ничего не сказал.

– Ну, что?

– Что «ну, что»? – А то он не знал.

– Ты дашь ей шанс?

Бет пыталась заставить его взять на себя обязательство, к которому он был не готов. Ллойд огляделся по сторонам, словно в поисках вдохновения, и увидел коричневую колбаску – маленькую собачью какашку – как раз на том месте, где была лужа. В шести дюймах от ближайшей пеленки.

– Ну, пока что она со мной, – сказал он, по-прежнему не давая никаких обещаний. – Ты там аккуратнее за рулем. Не

гони.

– Я никогда не гоню. Шестьдесят пять миль в час всю дорогу. Меня все обгоняют, многие мне сигналият, но я уже не доверяю своим реакциям на больших скоростях.

Он попрощался с сестрой, отмотал от рулона несколько бумажных полотенец и убрал с пола коричневую колбаску. Лори наблюдала за ним, сверкая янтарными глазами. Он вынес собачку на улицу, где она ничего не сделала. Минут через двадцать, когда Ллойд закончил читать еще одну большую статью о том, как ухаживать за щенком, он обнаружил еще одну лужу в проходе под аркой.

В шести дюймах от ближайшей пеленки.

Он наклонился над ней, держась руками за колени. Спина, как всегда, протестующе хрустнула.

– Ну что, собаченция? Кому жить надоело?

Она смотрела на него.

Как будто его изучала.

3

В тот же день, ближе к вечеру (еще две лужи, причем одна – на пеленке, ближайшей к кухне), Ллойд пристегнул поводок к ошейнику Лори, подхватил ее на руки и вынес на улицу, держа под мышкой, как футбольный мяч. Он опустил ее на землю и повел по дорожке, что проходила за их коттеджным поселком и вела к мелкому каналу, протекавшему под разводным мостом. Сейчас мост как раз развели, и машины и с той, и с другой стороны ждали, когда очередной богатей проплывет на своей дорогущей игрушке из Оскаровой бухты в Мексиканский залив. Лори вышагивала вперевалку, то и дело останавливаясь, чтобы обнюхать заросли сорняков, которые с ее точки зрения, наверное, казались непроходимыми джунглями.

Вдоль канала тянулась давно обветшавшая дощатая набережная, известная как Шестимильная тропа (почему «шестимильная», непонятно; на самом деле там было не больше мили), и Ллойд заметил своего соседа, стоявшего между табличками «МУСОР НЕ БРОСАТЬ» и «РЫБНАЯ ЛОВЛЯ ЗАПРЕЩЕНА». Чуть дальше виднелась табличка «БЕРЕГИСЬ АЛЛИГАТОРОВ», но кто-то перечеркнул «АЛЛИГАТОРОВ» аэрозольной краской и подписал сверху: «ДЕМОКРАТОВ».

Каждый раз, наблюдая, как Дон Питчер горбится, опира-

ясь на модную трость из красного дерева, и поправляет свой грыжевой бандаж, Ллойд испытывал легкую дрожь, явно вызванную злобной радостью. Дон любил порассуждать о политике (долго и нудно) и беспардонно совал нос в чужие дела. Причем желательно, чтобы дела были плохи. Когда умирал кто-нибудь из соседей, Дон узнавал об этом первым. Когда у кого-то случались финансовые неурядицы, Дон, опять же, был в курсе. Ллойд и сам не мог бы похвастаться крепким здоровьем: спина уже явно не та, что прежде, равно как и зрение, и слух, – но до клюки с грыжевым бандажом ему было еще далеко. По крайней мере он очень на это надеялся.

– Ты глянь, какая, – сказал Дон, когда Ллойд присоединился к нему на дощатом настиле (Лори, возможно, боявшаяся воды, старалась держаться подальше от края набережной). – Скольких голодающих африканцев можно было бы накормить такой яхтой!

– Даже очень голодные африканцы вряд ли станут есть яхту, Дон.

– Ты знаешь, что я имею в виду... Ой, это кто тут у нас? Новый щеночек? Какой симпатяга.

– Это она, – поправил Ллойд. – Сестра попросила за ней присмотреть.

– Привет, малышка. – Дон наклонился и протянул к Лори руку. Та попятилась и залаяла, впервые с тех пор, как Бет ее привезла: два отрывистых звонких тявка, и все. Дон снова выпрямился. – Не очень-то она дружелюбная, да?

– Она тебя не знает.

– Небось гадит в доме?

– Да нет, не особо, – ответил Ллойд. Они помолчали, наблюдая за моторной яхтой. Лори сидела на занозистом дощатом настиле и наблюдала за Ллойдом.

– Моя жена категорически против собаки в доме, – продолжил Дон. – Говорит, от собак только грязь и сплошная головная боль. У меня в детстве была собака. Старая добрая колли. Однажды она упала в колодец. Крышка прогнила, вот она и свалилась. Пришлось вытаскивать ее этой штукой... не помню, как называется.

– Правда?

– Ага. Ты смотри, чтобы она не выскочила на дорогу. А то если выскочит, будет худо. Была собачка, и нет собачки. Нет, ты глянь, какая она здоровенная, эта чертова яхта. Зуб даю, сядет на мель.

Моторная яхта не села на мель.

Разводной мост опустился, движение возобновилось. Ллойд взглянул на Лори и увидел, что она спит, лежа на боку. Он поднял ее на руки. Лори открыла глаза, лизнула его руку и снова уснула.

– Пойду я домой. Бывай, Дон. Не болей.

– И ты тоже. И приглядывай за щенком, а то погрызет тебе все, что есть в доме.

– У нее есть игрушки. Специально, чтобы грызть.

Дон улыбнулся, показав кривые зубы, от вида которых

Ллойда бросило в дрожь.

– Она предпочтет твою мебель. Вот погоди, сам увидишь.

4

Вечером, когда Ллойд уселся смотреть новости по телевизору, Лори подошла к его креслу и выдала два звонких твяка. Ллойд посмотрел на ее блестящие глазенки, взвесил все «за» и «против», потом подхватил ее на руки и усадил к себе на колени.

– Только не вздумай меня описать, – предупредил он.

Лори его не описала. Она уютно свернулась калачиком и уснула. Ллойд рассеянно гладил ее по спинке, пока на экране не шла сделанная с телефона видеозапись теракта в Бельгии. Когда новости закончились, он вынес ее во двор, снова держа под мышкой, как футбольный мяч. Пристегнул поводок и пустил Лори гулять. Она дошла до обочины Оскаровой дороги, где присела на травку и сделала свои дела.

– Молодец, – сказал Ллойд. – Всегда так и делай.

В девять вечера он застелил манеж двойным слоем пеленок – уже понятно, что завтра придется купить еще: и пеленок, и бумажных полотенец, – и усадил туда Лори. Она спокойно сидела, глядя на него. Он дал ей воды в чайной чашке, она чуть-чуть попила и улеглась, по-прежнему глядя на него.

Ллойд разделся до трусов и майки и лег в постель, но не стал укрываться. Все равно под утро одеяло окажется на полу, пав жертвой его беспокойной бессонницы. Однако сегодня он уснул почти мгновенно и проснулся около двух часов

ночи, разбуженный звонким щенячьим поскуливанием.

Лори лежала, просунув нос между прутьями манежа, как грустный маленький заключенный в одиночной камере. На пленках обнаружилось несколько коричневых колбасок. Рассудив, что в такой поздний час на Оскаровой дороге уж точно не будет прохожих, чей взгляд оскорбится видом старика в домашних трусах и майке, Ллойд надел шлепанцы, вынес свою четвероногую гостью (он по-прежнему воспринимал Лори как гостью) на улицу и опустил ее на ракушечную подъездную дорожку. Она чуть-чуть побродила по саду, нашла плюшку птичьего помета и пописала на нее. Ллойд снова сказал, что она молодец и что так надо делать всегда. Она уселась в траве, глядя на пустую дорогу. Ллойд поднял голову к звездному небу и подумал, что никогда в жизни не видел так много звезд. Потом подумал еще и решил, что, наверное, видел. Просто очень давно. Он попробовал вспомнить, когда в последний раз выходил из дома в два часа ночи, – и не сумел. Как зачарованный он смотрел на Млечный Путь. Все смотрел и смотрел, пока не понял, что засыпает прямо на ходу. Он отнес Лори обратно в дом.

Лори молча наблюдала, как Ллойд меняет грязные пленки, но опять заскулила, когда он усадил ее в манеж. Ллойд подумал, не взять ли ее в постель, но, согласно статье «У вас новый щенок!», это была не лучшая идея. Автор статьи (некто Сьюзен Моррис, ветеринарный врач) недвусмысленно заявляла: «Стоит лишь раз дать слабину, и потом вы

столкнетесь с серьезными трудностями, когда приметесь отучать пса от вашей постели». Также ему была неприятна мысль, что, проснувшись наутро, он найдет маленькую коричневую колбаску на той половине кровати, где раньше спала Мэриан. И дело даже не в том, что это будет как бы символическое неуважение к памяти покойной жены. Ему придется менять постель, что всегда жутко его раздражало, потому что справлялся он плохо и получалось у него криво.

Он пошел в комнату, которую Мэриан называла своим кабинетом. Все ее вещи так и остались на прежних местах. Несмотря на настойчивые уговоры сестры, Ллойд еще не хватало решимости, чтобы заставить себя все убрать. После смерти жены он почти не входил в эту комнату. Даже от картин, висевших на стене, сердце наполнялось пронзительной болью, особенно в два часа ночи. Он подумал, что в два часа ночи люди особенно уязвимы, потому что их кожа становится тоньше. И утолщается снова не раньше пяти утра, когда на востоке пробиваются первые лучи рассвета.

Мэриан так и не купила себе айпод, но у нее был портативный CD-плеер. Она брала его на занятия в оздоровительной группе, которые проходили два раза в неделю. Сейчас этот плеер лежал на полке над небольшой коллекцией дисков. Ллойд открыл отделение для батареек. С виду все три батарейки были нормальные, неиспорченные. Он перебрал диски, на секунду задумался над Холлом и Оутсом, но выбрал в итоге «Лучшие хиты Джоан Баэз», поставил диск в плеер

и захлопнул крышку. Затем Ллойд принес плеер в спальню. Увидев его, Лори сразу же прекратила скулить. Он нажал на кнопку воспроизведения, и Джоан Баэз запела «Ночь, когда пал старый Юг». Ллойд положил плеер в манеж. Лори обнюхала его и улеглась рядом, почти касаясь кончиком носа наклейки с надписью СОБСТВЕННОСТЬ МЭРИАН САНДЕРЛЕНД.

– Так сойдет? – спросил Ллойд. – Надеюсь, что да, черт возьми.

Он опять лег в постель и засунул руки под подушку, где им было прохладнее. Он лежал, слушал музыку. Когда Баэз запела «Оставайся всегда молодым», он чуть всплакнул. Так предсказуемо, подумал он. Так банально. Потом он заснул.

Сентябрь уступил место октябрю, лучшему месяцу года в штате Нью-Йорк, где они с Мэриан жили, пока Ллойд не вышел на пенсию, и, по его скромному мнению (ИМХО, как теперь выражаются на «Фейсбуке»), лучшему месяцу года и здесь, на западном побережье Флориды. Летняя жара позади, но дни по-прежнему солнечные и теплые, а холодные январские и февральские ночи придут уже в новом календарном году. Основная масса туристов тоже вернется лишь в следующем году, и Оскар мост теперь разводят и сводят не по пятьдесят раз на дню, создавая помехи движению автомобилей, а от силы раз двадцать, не больше. Да и движение стало значительно менее плотным.

«Рыбный дом» в Кайман-Ки снова открылся после трехмесячного перерыва, и на их веранду пускали с собаками. Ллойд частенько ходил туда с Лори по Шестимильной тропе вдоль канала. В тех местах, где дощатый настил был сплошь покрыт меч-травой, Ллойд брал Лори на руки; она без труда проходила под нависающими над тропой ветвями сабаля, а ему приходилось продираться сквозь них, пригнувшись и выставив руки в стороны, чтобы раздвигать эти густые шуршащие заросли. Он постоянно боялся, что ему на голову свалится древесная крыса, хотя такого ни разу не произошло. В ресторане они устраивались на залитой солнцем веранде,

Лори тихонько сидела у ног Ллойда и периодически получала награду за хорошее поведение: кусочек картофеля фри, подававшегося к жареной рыбе Ллойда. Все официантки ее обожали, охали, ахали и наклонялись погладить по дымчато-серой шерстке.

Бернадетт, старшая официантка, была особенно очарована Лори.

– Какое *лицо*, – каждый раз говорила она, словно это все объясняло. Она опускалась на колени рядом с Лори, так что Ллойд всегда открывался прекрасный и впечатляющий вид на ее декольте. – Нет, вы посмотрите, какое *лицо*!

Лори принимала знаки внимания, но, похоже, совсем не стремилась их заполучить. Она просто сидела, глядя на своих обожателей, а все остальное время смотрела только на Ллойда. Вероятно, такое пристальное внимание объяснялось отчасти картофелем фри у него на тарелке, но только отчасти; так же прилежно она глядела на него и дома, когда он сам смотрел телевизор. Глядела, пока не засыпала.

Она быстро приучилась ходить в туалет на улице и вопреки предсказаниям Дона не грызла мебель. Она грызла свои жевательные игрушки, которых теперь у нее было не меньше дюжины. Ллойд нашел старый ящик, чтобы хранить их все в одном месте. Каждое утро Лори бежала к ящику, вставляла на задние лапы, опираясь передними о верхний край, и рассматривала свои сокровища, как придирчивый покупатель в «Пабликсе». Наконец она выбирала одну игрушку, уносила

ее в уголок и сосредоточенно грызла, пока ей не надоедало. Тогда она возвращалась к ящику и выбирала другую игрушку. К концу дня игрушки валялись по всему дому: в спальне, в кухне, в гостиной. Вечером, перед тем как лечь спать, Ллойд собирал их и складывал обратно в ящик. Не потому, что его раздражал беспорядок, а потому что собачке, похоже, ужасно нравилось каждое утро обозревать свои богатства.

Часто звонила Бет, спрашивала, как он питается, напоминала о днях рождения и всяческих годовщинах старых друзей и еще более старых родственников и сообщала ему, кто из них приказал долго жить. В конце разговора она неизменно интересовалась, не закончился ли испытательный срок у Лори. Ллойд всегда отвечал, что еще не закончился, пока однажды не ответил иначе. Дело было в середине октября. Они с Лори только что вернулись из «Рыбного дома», и Лори спала на полу посреди гостиной, лежа на спине и раскинув лапы по четырем сторонам света. Ветерок, дувший из кондиционера, обвевал шерстку у нее на животе, и Ллойд вдруг осознал, что она очень красивая. Это было не сентиментальное наблюдение, а природная данность. То же самое он думал о звездах, когда выводил Лори на последнюю перед сном прогулку.

– Да, наверное, испытательный срок закончился. Но если она меня переживет, Бетти, ты либо забереешь ее себе – и к черту аллергию Джима, – либо найдешь ей новый дом.

– Договорились, резиновый утя. – Этого резинового утю

она подхватила еще в семидесятых из какой-то дурацкой песни и до сих пор употребляла это выражение в своей речи. Еще одна черточка в характере Бет, которая одновременно и умиляла, и жутко бесила Ллойда. – Я очень рада, что все получилось. – Она понизила голос. – Честно сказать, я не думала, что что-то получится.

– Тогда зачем ты ее привезла?

– Это был выстрел вслепую. Я знала, что тебе нужно что-то более *трудоёмкое*, чем рыбки в аквариуме. Она уже научилась лаять?

– Она не лает, а тьявкает. Когда приходит почтальон, или курьер, или Дон забежит выпить пива. Всегда по два раза. Тьяв-тяв, и все. Когда ждать тебя в гости?

– Я уже была у тебя. Теперь твоя очередь ехать к нам.

– Тогда мне придется взять с собой Лори. Я ни за что не оставлю ее с Доном и Эвелин Питчерами. – Глядя на свою спящую собачку, Ллойд вдруг осознал, что ни за что не оставит ее с кем бы то ни было. Даже в коротких поездках до супермаркета он жутко нервничал, как она там без него, и, возвращаясь домой, всегда испытывал облегчение, когда видел Лори, ждавшую его в прихожей.

– Да, привози ее к нам. Хочу посмотреть, как она выросла.

– А как же аллергия Джима?

– К черту его аллергию, – сказала она и со смехом повесила трубку.

После восторженных охов и ахов над Лори – всю дорогу до Бока-Ратона она спала на заднем сиденье, за исключением коротенькой остановки, чтобы сходить в туалет, – Бет опять перешла в свой обычный режим въедливой старшей сестры. У нее всегда находились поводы, чтобы придрататься к Ллойд (в этом смысле она была виртуозом), и сегодняшним поводом для придинок стал доктор Олбрайт и плановый медосмотр, с которым Ллойд явно затягивал.

– Хотя, надо сказать, выглядишь ты неплохо, – заявила она. – Даже, кажется, загорел. Если это не разлитие желчи.

– Умеешь ты подбодрить человека, Бетти. Да, это загар. Я гуляю с Лори три раза в день. Утром на пляже, в обед – до «Рыбного дома» по Шестимильной тропе и вечером снова на пляже. Мы с ней любимся на закат. Вернее, я люблюсь, а она просто гуляет. У собак нет чувства прекрасного.

– Ты с ней гуляешь по дощатой набережной у канала? Господи, Ллойд, да она вся насквозь прогнила. Когда-нибудь она точно обрушится у тебя под ногами, и ты грохнешься в воду вместе с нашей принцессой. – Бет погладила Лори по голове. Собачка закрыла глаза и даже как будто заулыбалась.

– Этой набережной уже лет сорок, если не больше. Она переживет всех нас.

– Ты записался к врачу?

– Еще нет, но обязательно запишусь.

Она протянула свой телефон.

– Запишись прямо сейчас. А я прослежу.

Судя по ее взгляду, она ждала возражений, и именно поэтому он не стал возражать. Но была и другая причина. Раньше Ллойд боялся ходить к врачу; он все ждал момента (видимо, этот страх был обусловлен просмотром многочисленных телесериалов), когда врач угрюмо посмотрит на него и скажет: «У меня плохие новости».

Однако сейчас он чувствовал себя на удивление хорошо. Да, ноги не гнулись, когда он вставал по утрам, вероятно, из-за того, что он стал много ходить пешком, и поясница скрипела сильнее, чем прежде, но когда он прислушивался к своим внутренним ощущениям, его не тревожило вообще ничего. Он знал, что в теле старого человека может вырасти любая пакость – причем она будет расти незамеченной, пока не станет уже слишком поздно, – но даже если внутри что-то было, никаких внешних клинических проявлений не наблюдалось: ни крованистого стула, ни крованистой мокроты, никаких болей в животе, никаких трудностей при глотании, никакого болезненного мочеиспускания. Он подумал, что человеку гораздо проще идти к врачу, когда тело подсказывает, что для этого нет никаких оснований.

– Ты чему улыбаешься? – с подозрением прищурилась Бет.

– Ничему. Просто так. Дай мне телефон.

Он потянулся к ее телефону, но она отвела руку подальше.

– Если ты и вправду собрался звонить, тогда звони со своего.

Через две недели после медосмотра доктор Олбрайт пригласил Ллойда на повторный прием, чтобы обсудить результаты обследования. Результаты были хорошие.

– Вес нормальный, давление в норме, рефлексy тоже. Показатели уровня холестерина гораздо лучше, чем в прошлый раз, когда вы любезно позволили нам взять у вас кровь на анализ...

– Да, я долго тянул с осмотром, – согласился Ллойд. – Может быть, слишком долго.

– Никаких «может быть» в данном случае. Как бы там ни было, я пока что не вижу необходимости назначать вам липиды. Считайте, что это победа. Как минимум половина моих пациентов вашего возраста их принимают.

– Я много хожу пешком, – сказал Ллойд. – Сестра привезла мне собаку. Щенка.

– Щенки – это лучшее, что создал Бог для поддержания нашей физической формы. А как в остальном? Как вы справляетесь?

Олбрайту не было необходимости конкретизировать. Мэриан тоже была его пациенткой, причем пациенткой ответственной и добросовестной в отличие от мужа. Она обследовалась, как положено, два раза в год – Мэриан Сандерленд старалась всегда и во всем действовать на упреждение, – но

опухоль мозга, которая сначала отняла у нее разум, а потом и убила, все равно не смогли выявить вовремя. Она вызрела слишком глубоко внутри. Глиобластома, подумал Ллойд, это как если бы сам Господь Бог выпустил тебе в голову пулю сорок пятого калибра.

– В общем, неплохо справляюсь, – сказал Ллойд. – Снова стал спать по ночам. Наверное, потому, что обычно ложусь уставшим.

– Из-за собаки?

– Да. В основном.

– Вам надо позвонить сестре и поблагодарить ее, – сказал Олбрайт.

Ллойд подумал, что это хорошая мысль. Тем же вечером он позвонил Бет и сказал ей спасибо. Она ответила: «Пожалуйста». Перед сном Ллойд сводил Лори на пляж. Он любовался закатом. Она нашла дохлую рыбину и пописала на нее. Оба вернулись домой довольные.

8

Шестое декабря начиналось как обычный, ничем не примечательный день. Утренняя прогулка по пляжу и завтрак: сухой корм для Лори, яичница с тостом для Ллойда. Ничто не предвещало, что Бог уже заряжает свой «кольт» сорок пятого калибра.

Ллойд посмотрел первый час передачи «Сегодня», потом пошел в кабинет Мэриан. Он взял себе подработку: помогал вести бухгалтерский учет для «Рыбного дома» и одного автосалона в Сарасоте. Работа не срочная, никаких авралов и стрессов, и хотя Ллойд не нуждался в деньгах, ему было приятно снова заняться делом. Он уже понял, что стол Мэриан нравится ему больше, чем стол в его собственном кабинете. И ее музыка тоже. Она всегда ему нравилась. Он подумал, что Мэриан была бы рада узнать, что ее кабинет используется.

Лори сидела рядом с его стулом и задумчиво грызла резинового кролика, а потом прилегла вздремнуть. В половине одиннадцатого Ллойд сохранил свою работу и поднялся из-за стола.

– Пора подкрепиться, малышка.

Она пришла в кухню следом за ним и получила жевательную палочку из сыромятной кожи. Себе Ллойд налил молока и съел пару печений из заблаговременной посылки с подар-

ками от сестры. Печенье чуть подгорело снизу (рождественская выпечка подгорала у Бет всегда), но было вполне съедобно.

Он чуть-чуть почитал – сейчас он продирался сквозь довольно увесистый том избранных произведений Джона Сэндфорда – и, кажется, задремал, но его разбудило знакомое позвякивание. Лори. У двери в прихожей. Ее поводок висел на дверной ручке, и Лори раскачивала его носом, так что стальной карабин бился о дверь. Ллойд посмотрел на часы. Без пятнадцати двенадцать.

– Ладно, пойдем.

Он пристегнул поводок к ошейнику Лори, проверил левый передний карман – да, бумажник на месте, – и они вышли в яркий полуденный свет. По дороге к Шестимильной тропе Ллойд увидел, что Дон уже вытащил на лужайку у дома свою неизменную коллекцию страшненьких пластиковых украшений: рождественский вертеп (священная штука), большого пластмассового Санта-Клауса (как есть богохульство) и компанию садовых гномов, наряженных эльфами (по крайней мере Ллойд думал, что это эльфы). Уже совсем скоро Дон, рискуя жизнью, вскарабкается на приставную лестницу и развесит под крышей мигающие гирлянды, из-за чего бунгало Питчеров станет похоже на самое маленькое в мире речное казино. Все прошлые годы украшательские потуги Дона наводили на Ллойда грусть и тоску, но сегодня он рассмеялся. Все-таки надо отдать Дону должное, старому пер-

дуну. У него артрит, больная спина и плохое зрение, но он не сдаётся. Для Дона все четко: Рождество или смерть.

Эвелин Питчер вышла на заднюю веранду. Вся какая-то растрепанная: розовый халат застегнут не на те пуговицы, по щекам густо размазан желтовато-белый крем, волосы торчат во все стороны. Дон однажды признался Ллойд, что у его жены начались странности с головой, и сегодня она и вправду была похожа на чокнутую.

– Ты его видел? – крикнула она сверху.

Лори подняла голову и выдала свое фирменное приветствие: *Тяв-тяв*.

– Кого? Дона?

– Нет, Джона Уэйна! Конечно, Дона. Кого же еще?

– Нет, не видел, – ответил Ллойд.

– Ну, если увидишь, скажи, чтобы он прекращал маяться дурью и шел домой. Ему еще надо развесить гирлянды, и трое волхвов так и валяются в гараже. Он же сам затеял все эти дурацкие украшения. Совсем головой повернулся на старости лет.

Значит, вас двое, подумал Ллойд.

– Я все ему передам, если увижу.

Эвелин перегнулась через перила, опасно свесившись вниз.

– Какой у тебя славный песик. Как, ты говорил, его звать?

– Лори, – Ллойд говорил ей это уже неоднократно.

– О, сучка, сучка, сучка! – воскликнула Эвелин с по-

истине шекспировской страстью, а потом коротко рассмеялась: – Я буду рада, когда закончится это чертово Рождество. Так ему и скажи!

Она выпрямилась (теперь можно вздохнуть с облегчением; Ллойд не был уверен, что сумеет ее подхватить, если она упадет) и ушла в дом. Лори встала и направилась в сторону набережной, принюхиваясь к запахам жареных вкусностей, доносившихся от «Рыбного дома». Ллойд пошел следом за ней, уже предвкушая порцию печеного лосося с рисом. В последнее время его организм бунтовал против жареной пищи.

Канал вился волнистой лентой; дощатая набережная вилась вместе с ним, повторяя все его ленивые изгибы вдоль заросшего берега. Кое-где не хватало досок. Лори помедлила, наблюдая за пеликаном, который нырнул и вынырнул с рыбой, бившейся у него в клюве, потом пошла дальше. Перед зарослями меч-травы, пробивавшейся между двумя искривленными досками, Лори остановилась. Ллойд поднял ее, подхватив под животик, – она подросла, и ему стало тяжело таскать ее под мышкой. Чуть дальше, как раз перед следующим изгибом, ветви разросшегося сабаля нависали над набережной, образуя низкую арку. Лори при ее малом росточке могла бы спокойно под ней пройти, но она остановилась и принялась сосредоточенно что-то обнюхивать. Ллойд догнал ее и наклонился взглянуть, что она там нашла. Трость Дона Питчера. И хотя трость была сделана из прочного красного дерева, что-то ее расколело. Продольная тре-

щина шла от резинового наконечника примерно до середины длины.

Ллойд поднял трость и увидел, что она забрызгана кровью.

– Как-то мне это не нравится. Наверное, нам лучше верну...

Но Лори рванулась вперед, выдернув поводок у него из руки, и скрылась под сенью зеленой арки. Рукоять поводка загремела по доскам. А потом Лори залаяла. Не затыкала, как обычно, а залаяла по-настоящему. Ллойд даже не думал, что она так умеет. Не на шутку встревожившись, он нырнул под сабаль, раздвигая густые заросли тростью Дона. Ветви хлестали его по лицу, царапали щеки и лоб. На некоторых листьях блестели капельки крови. Еще больше крови было на досках.

На другой стороне арки Лори припала к земле – передние лапы расставлены в стороны, спина выгнута, мордочка касается досок – и лаяла на аллигатора. Он был мутно-зеленым, с черными пятнами. Взрослая особь длиной как минимум в десять футов. Аллигатор смотрел на лающую собачку тусклыми, ничего не выражающими глазами. Он распластался на теле Дона Питчера, положив тупорылую морду на обгоревшую на солнце шею Дона и сжав по-хозяйски короткими передними лапами его костлявые плечи. Это был первый аллигатор, которого Ллойд увидел после «Садов джунглей» в Сарасоте, куда они ездили с Мэриан давным-давно, в незапа-

мятные времена.

Верхняя часть головы Дона практически отсутствовала. Ллойд видел обломки раздробленной кости. На щеке соседа блестела еще не засохшая кровь. К ней прилипли какие-то ошметки, похожие на хлопья овсянки. До Ллойда не сразу дошло, что это были кусочки мозга Дона Питчера. Серое вещество, которым Дон мыслил, может быть, считанные минуты назад, теперь было явлено миру, и от этого мир свелся к полной бессмыслице.

Рукоять поводка Лори свалилась за край настила и упала в воду. Лори продолжая лаять. Аллигатор смотрел на нее, пока оставаясь на месте. Вид у него был донельзя глупый.

– Лори! Заткнись! Заткнись, я сказал!

Ллойд подумал об Эвелин Питчер. Как она стояла на задней веранде, словно актриса на авансцене, и вопила: *О, сучка, сучка, сучка!*

Лори прекратила лаять, но продолжила глухо рычать. Кажалось, она сделалась вдвое больше, потому что ее дымчато-серая шерсть встала дыбом не только на загривке, но и по всему телу. Не сводя взгляда с аллигатора, Ллойд упал на одно колено, опустил левую руку в канал и нащупал свалившийся поводок. Достал из воды рукоятку, схватился за нее крепче и поднялся на ноги, по-прежнему не сводя взгляда с черно-зеленой твари, распластавшейся на теле Дона. Ллойд потянул за поводок. Сначала Лори не сдвинулась с места – с тем же успехом можно было тянуть за собой столб, врытый в

землю, – но потом все-таки повернулась к нему. И как только она повернулась, аллигатор взмахнул хвостом и хлопнул им по воде, подняв фонтан брызг. Дощатый настил содрогнулся. Лори отпрянула и прижалась к ногам Ллойда.

Он наклонился и подхватил ее на руки, продолжая смотреть на аллигатора. Лори тряслась мелкой дрожью, ее тело как будто гудело изнутри, словно сквозь него пропустили электрический ток. Ее глаза были распахнуты так широко, что вокруг радужных оболочек виднелись белки. Потрясение при виде аллигатора, восседавшего на теле мертвого Дона Питчера, было так велико, что Ллойд даже не чувствовал страха. А когда чувства вернулись, страха все равно не было. Были только ярость и желание защитить. Он отстегнул поводок от ошейника Лори и бросил его на землю.

– Иди домой. Слышишь? Иди домой. Я тоже скоро приду.

Ллойд наклонился, по-прежнему не сводя взгляда с аллигатора (который не сводил взгляда с Ллойда). Он частенько носил Лори под мышкой, как футбольный мяч, когда она была меньше; теперь он швырнул ее между расставленными ногами, как тот же мяч, прямо в арку сабаля.

У него не было времени оглянуться и посмотреть, убежала она или нет. Аллигатор рванулся к нему, двигаясь с поразительной и совершенно неожиданной скоростью. При этом рывке его короткие задние лапы отпихнули тело Дона на несколько футов назад. Зубы в раскрытой пасти напоминали грязный забор из штакетника. На его кожистом, розо-

во-черном языке Ллойд разглядел несколько мелких обрывков рубашки Дона.

Он размахнулся и ударил аллигатора тростью. Удар пришелся по голове, как раз под глазом – все таким же до жути пустым и не выражавшим вообще ничего. Трость сломалась по трещине. Отломившийся кусок отлетел в сторону и упал в воду. Аллигатор на секунду приостановился, словно удивившись, и возобновил прерванную атаку. Ллойд слышал, как его когти скребут по дощатому настилу. Аллигатор разинул пасть еще шире, нижняя челюсть скользила прямо по доскам. Серые щепки летели во все стороны.

Ллойд не думал вообще ни о чем. Голова отключилась, тело действовало само по себе. Он вонзил обломок трости Дона в голову аллигатора, в белесый участок чешуйчатой кожи сбоку, и надавил со всей силы, схватившись за рукоять трости двумя руками. Аллигатора повело в сторону. Прежде чем тварь успела прийти в себя, раздалась серия быстрых трескучих щелчков, похожих на выстрелы из стартового пистолета. Часть старого дощатого настила обвалилась в канал, увлекая с собой аллигатора. Передняя часть его туловища оказалась в воде, а хвост колотил по обломкам досок, из-за чего тело Дона дергалось и подпрыгивало. Вода как будто вскипела. Ллойд пошатнулся, но удержал равновесие и шагнул назад как раз в ту секунду, когда аллигатор вынырнул на поверхность, щелкая пастью. Ллойд снова ткнул его тростью, не целясь, но острый обломок вошел аллигатору прямо

в глаз. Тот отшатнулся, и если бы Ллойд не отпустил резную рукоять трости, он бы наверняка грохнулся в воду, прямо на раненого аллигатора.

Ллойд развернулся и помчался сквозь заросли сабаля, выставив руки перед собой. Он понимал, что в любой момент аллигатор может схватить его сзади или выломать доски, ударив снизу, если он крался следом за ним под настилом по дну канала. Ллойд вылетел из-под арки, весь испачканный кровью – и кровью Дона, и своей собственной кровью, сочившейся из многочисленных царапин.

Лори не убежала домой. Она стояла в десяти футах от арки и, как только увидела Ллойда, рванулась к нему, оттолкнулась задними лапами и прыгнула. Ллойд поймал ее (как футбольный мяч, как пас, отданный от отчаяния в никуда) и побежал, едва ли осознавая, что Лори вертится у него на руках, и скулит, и иступленно облизывает его лицо. Хотя позже он вспомнит об этом и уже не забудет.

Сойдя с дощатого настила на ракушечную дорожку, Ллойд оглянулся, почти ожидая увидеть, как аллигатор мчится за ними вдогонку с его жуткой, невероятной скоростью. На полпути к дому у него подогнулись ноги, и он сел на землю. Его трясло, слезы текли по щекам. Он постоянно оглядывался, высматривая аллигатора. Лори продолжала облизывать его лицо, но ее дрожь потихоньку унималась. Когда Ллойд почувствовал, что снова может идти, он встал и пошел, по-прежнему держа Лори на руках. Он останавливался

еще дважды, переживая приступы слабости.

Когда он проходил мимо дома Питчеров, Эвелин снова вышла на веранду.

– Знаешь, если ты будешь все время таскать своего пса на руках, он потом с рук не слезет. Ты видел Дона? Ему надо закончить эти рождественские украшения.

Она действительно не замечает кровь, подумал Ллойд, или просто не хочет ее замечать?

– Стучилось несчастье.

– Какое несчастье? Опять кто-то врезался в этот чертов разводной мост?

– Иди в дом, – сказал он.

И сам тоже подошел домой, не дожидаясь, послушает ли его Эвелин. Дома он налил в миску свежей воды, и Лори принялась жадно пить. Пока она утоляла жажду, Ллойд позвонил в службу спасения.

Должно быть, полиция пришла в дом Питчеров сразу после того, как они забрали с набережной тело Дона, потому что Ллойд слышал, как кричала Эвелин. Вероятно, кричала она недолго, но ему показалось, что очень долго. Он подумал, что, наверное, надо сходить к соседке и попытаться ее успокоить, но у него просто не было сил. Он даже не помнил, чтобы когда-нибудь так уставал, даже после школьных футбольных тренировок в жаркие августовские дни. Ему хотелось лишь одного: сидеть в кресле, держа на коленях Лори. Она заснула, свернувшись калачиком.

Полиция приходила и к Ллойд. Они сказали, что ему невероятно повезло.

– Но дело не только в везении. У вас замечательная реакция, – заметил один из полицейских. – Хорошо вы придумали огреть его тростью мистера Питчера.

– Он добрался бы и до меня, если бы под ним не обвалился настил, – сказал Ллойд. Может быть, он добрался бы и до Лори. Потому что Лори не убежала домой. Лори ждала.

В ту ночь он взял ее к себе в постель. Она спала на половине Мэриан. Сам Ллойд долго не мог заснуть. Каждый раз, когда он начинал погружаться в сон, ему вспоминалось, как аллигатор распластался на теле Дона, по-хозяйски вцепившись в него передними лапами. Как аллигатор смотрел на

него тусклыми мертвыми глазами. Смотрел и как будто ухмылялся. Как он рванулся к нему с неожиданной скоростью. Он гнал эти воспоминания прочь и гладил собачку, спящую рядом.

Бет примчалась на следующий день. Она отругала его, но сперва обняла и принялась безудержно целовать, и Ллойд сразу вспомнил, как неистово Лори облизывала его лицо, когда он выскочил из зарослей сабаля.

– Я люблю тебя, старый дурень, – сказала Бет. – Слава богу, ты жив.

Потом она подхватила Лори на руки и прижала к себе. Лори терпеливо вынесла ласку, но как только Бет ее отпустила, сразу пошла искать своего резинового кролика. Она отнесла его в угол и принялась сосредоточенно грызть. Ллойд подумал, что, наверное, она представляет, как рвет аллигатора на куски, и тут же сказал себе: не глупи. Не надо выдумывать и приписывать животным те чувства, которых у них нет. Он не вычитал это в статье «У вас новый щенок!». Такие вещи ты узнаешь только сам.

На следующий день после визита Бет к Ллойдю пришел инспектор из Службы охраны рыбных ресурсов и диких животных Флориды. Они сели в кухне, и Ллойд предложил гостю, которого звали Гибсон, стакан чая со льдом. Лори с интересом обнюхала его ботинки и брюки, потом свернулась калачиком под столом.

– Мы поймали того аллигатора, – сказал Гибсон. – Вернее, аллигаторшу. Это самка. Вам повезло, что вы остались в живых, мистер Сандерленд. Она была просто огромная.

– Да, я помню, – сказал Ллойд. – Ее усыпили?

– Нет, и мы еще обсуждаем вопрос, надо ли это делать. Она напала на мистера Питчера не просто так. Похоже, она защищала гнездо.

– Гнездо?

– Да, свою кладку яиц.

Ллойд позвал Лори. Лори подошла. Он подхватил ее на руки, усадил к себе на колени и принялся гладить по дымчатой спинке.

– И давно она там сидела? Мы с моей собакой ходили по этой треклятой набережной до «Рыбного дома» чуть ли не каждый день.

– Обычно инкубационный период длится шестьдесят пять дней.

– И все это время она там сидела?

Гибсон кивнул.

– Видимо, да. Глубоко в зарослях меч-травы.

– И наблюдала, как мы ходим мимо.

– Вы и все остальные. Возможно, мистер Питчер сделал что-то такое – и скорее всего совершенно случайно, – что разбудило ее... э... – Гибсон пожал плечами. – Может, это и нельзя назвать материнским инстинктом, но в них заложен инстинкт защищать свои гнезда.

– Возможно, он махнул тростью в ее направлении, – предположил Ллойд. – Он вечно размахивал своей тростью. Или даже случайно ударил ее. Или гнездо.

Гибсон допил чай со льдом и поднялся из-за стола.

– Я просто подумал, что вам было бы интересно узнать.

– Да, спасибо.

– Не за что. Какая у вас замечательная собака. Метис бордер-колли и?..

– Муди.

– Да, теперь вижу. И в тот день она была с вами.

– Да, она шла впереди. И увидела ее первой.

– Ей тоже повезло, что она осталась в живых.

– Да. – Ллойд погладил Лори по спинке. Лори подняла голову и посмотрела на него янтарными глазами. И снова, в который раз, он задался вопросом, что она видит в его лице, склоняющемся над ней? Как звезды, на которые Ллойд смотрел по вечерам, когда выводил Лори гулять, это была

великая тайна.

Гибсон поблагодарил его за угощение и ушел. Ллойд остался сидеть за столом, глядя Лори по мягкой, дымчато-серой шерстке. Потом опустил ее на пол, и она пошла по своим делам, а он пошел по своим. Это жизнь, от нее никуда не деться – ничего не поделаешь, надо жить.

Памяти Виксен